О СВОБОДѢ ВѢРЫ.

Почему я оставилъ православную вѣру.

(Изъ записокъ крестьянина Еремѣя Чебана).

Я родился въ 1858 году. Мой отецъ былъ изъ молдаванъ, а мать малороссіанка, оба были вѣры православной. Отецъ мой жилъ въ городѣ Бендерахъ и занимался чумачествомъ.

Отъ юности моей пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ дурной жизни; потому что первое удовольствіе отца было въ томъ, чтобы напиться пьянымъ и безобразничать семейство. Придя въ возрастъ я сталъ различать добро отъ зла и обращался къ старымъ людямъ за наставленіемъ, но ничего добраго отъ нихъ не слыхалъ. Изъ этого мнѣ очевидно стало, что эти старые люди сами еще не знаютъ, что такое добро. Наставленія ихъ были такого рода, чтобы къ празднику приготовить побольше водки и вина, и звать всѣхъ родственниковъ и угощать ихъ, „и ты будешь тогда въ славѣ“, говорили они. Нѣкоторое время я слѣдовалъ ихъ совѣтамъ; но скоро увидѣлъ, что изъ этого ничего не выходитъ, кромѣ драки и крайняго разоренія.

Тогда я обратился къ священнику за наставленіемъ, прося сказать мнѣ, въ чемъ состоитъ наше спасеніе? Священникъ отвѣчалъ, что надо ходить въ церковь и прилежно подавать на акафистъ пресвятой богородицѣ, также на службу божію. Я и это исполнялъ нѣсколько лѣтъ.

Но вотъ что заставило меня задуматься. Самъ благочинный творилъ зло: пьянствовалъ и занимался блудомъ; у сосѣда своего завладѣлъ женой и радовался, что этотъ человѣкъ чрезвычайно простой. И сталъ я разсуждать: какъ-же это онъ беретъ на себя такую важную обязанность — умолять бога за людей, а самъ живетъ недостойно? Къ чему же тогда всѣ его акафисты и службы, и молебны? Я рѣшилъ не давать больше попамъ денегъ за ихъ молитвы. А замѣтьте: оказывалось расходу около рубля каждое воскресенье! Невольно пожалѣешь о народѣ: вѣдь до чего грабятъ его! Если помретъ старый человѣкъ, то цѣна попами поставлена за погребеніе — съ самаго бѣднаго человѣка шесть, или семь рублей, а за ребенка — три рубля. У иного полна хата дѣтей, такъ нужды много, а отъ поповскихъ требъ еще того больше накопились

долги. Нѣкоторымъ я давалъ въ займы; и не мало денегъ пропадало, потому что иной человѣкъ вовсе не въ состояніи уплатить.

Между тѣмъ я жаждалъ увидѣть, гдѣ правда. И подумалъ я: навѣрно въ Кіевѣ, гдѣ столько священныхъ мѣстъ, я найду святую жизнь. Пошелъ я. Прошелъ всѣ пятьсотъ верстъ пѣшкомъ и вотъ сталъ приближаться. Первый монастырь Кіевскій на моемъ пути находился въ лѣсу и именуется Тимофеевскимъ. Не доходя до монастыря, остановился я умыться и переодѣться, и вдругъ въ это время пробѣжала мимо женщина въ красивомъ платьи и скрылась въ густомъ лѣсу, а минутъ черезъ пять пробѣжалъ за ней и одинъ изъ монаховъ. И подумалъ я: зачѣмъ было итти столько верстъ, — и тутъ не лучше!

По возвращеніи моемъ изъ Кіева я сталъ учиться грамотѣ у квартировавшаго у меня солдата и скоро научился. Купилъ себѣ евангеліе и сталъ его читать и размышлять о прочитанномъ. И стало мнѣ ясно, что поповскія наставленія противны проповѣди евангельской. Христосъ говоритъ: „Прійдите и научитесь отъ меня и найдете покой душамъ вашимъ“, а попы говорятъ: „давайте побольше на требы и акафисты!“ Съ этихъ поръ я сталъ молиться дома.

Узнавъ, что я не являюсь въ церковь недѣли двѣ или три, благочинный прислалъ ко мнѣ священника Севастьяна Дурукова и дьячка. И сталъ священникъ меня спрашивать, почему я не хожу въ церковь? На что я, въ свою очередь, спросилъ: „Почему вы обратили вниманіе на то, что меня двѣ недѣли не было въ церкви, когда, вонъ, есть люди, что по году не ходятъ?“ и сталъ ихъ называть. „О такихъ“, отвѣчалъ Дуруковъ, „мы мало думаемъ, а о тѣхъ, что прилежны къ церкви, нельзя не думать, кода они перестаютъ ходить, потому что такіе часто переходятъ въ штунду.“ Тутъ онъ сталъ читать газету, которую принесъ съ собою; и тамъ было сказано, въ какомъ городѣ сколько людей перешло въ штундисты, то есть бросили пьянствовать, курить и стали жить правильною жизнью. Прослушавши это, я сказалъ: „такъ слѣдуетъ намъ всѣмъ поступать.“ Но священникъ въ гнѣвѣ крикнулъ: „Что-же, мнѣ тоже закатить рукава и итти пахать? Я учился двѣнадцать лѣтъ, чтобы имѣть потомъ спокойную жизнь! Вонъ, Козыревъ, который въ Воинскомъ Присутствіи, учился всего четыре года, да и то получаетъ двѣ тысячи четыреста рублей!“

22575

Это было передъ Пасхою 1889 года. На Пасху-же священникъ подговорилъ нѣсколькихъ пьяницъ: „на третій день праздника приходите вечеромъ къ Еремѣю; я изъ его словъ замѣтилъ, что онъ сектантъ, а не православный“. Я ничего этого не зналъ. Но вотъ пришелъ священникъ съ газетами, а съ нимъ дьякъ, съ книгою „Житія святыхъ угодниковъ“ и сталъ громко читать. Стали сходится люди, по два и по три человѣка, такъ что наконецъ вся хата была полна. Я заперъ двери и ворота, и началась у насъ бесѣда, или споръ о правдѣ. Спорили до одинадцатаго часа ночи. Вдругъ набѣжала толпа народа, перелезли черезъ заборъ и окружили домъ, такъ что и убѣжать нельзя, и потребовали отъ батюшки, чтобы онъ „благословилъ на битву“. И всѣ не съ пустыми руками: у кого палка, у кого каменья. Я сталъ говорить священнику, чтобы онъ уговорилъ народъ не дѣлать насилія; но онъ самъ перепугался. Видя, что дѣло нешуточное, я сталъ кричать. Къ счастью моему, въ это время проходилъ по улицѣ патруль Житомірскаго полка; солдаты услышали меня. Пьяная толпа разбѣжалась и я на этотъ разъ остался невредимъ. Священникъ ушелъ, но послѣ того въ проповѣдяхъ убѣждалъ людей, чтобы никто со мною не разговаривалъ.

Около этого-же времени зашелъ ко мнѣ одинъ старикъ изъ Кіевской губерніи, знакомый съ священнымъ писаніемъ. Онъ мнѣ указалъ всѣ существенныя мѣста въ писаніи и тогда я совсѣмъ пересталъ думать о церкви; изрѣдка я ходилъ въ молоканскія собранія.

Однако я оставался спокойнымъ не болѣе года. Вотъ какой случай вышелъ. На второй улицѣ отъ меня жилъ одинъ человѣкъ по имени Александръ Федоренко. Человѣкъ былъ съ достаткомъ. На масляной 1889 года зашелъ онъ въ питейный домъ, который былъ на супротивъ его дома, такъ повздорилъ, вышла драка и въ ней Федоренко былъ удавленъ, а тѣло его скрыто. Жена и дѣти убивались по немъ, цѣлый мѣсяцъ шелъ объ немъ розыскъ, но ничего не нашли и сочли безъ вѣсти пропавшимъ. Тогда вдова обратилась къ священнику за совѣтомъ — какъ ей быть? и онъ присовѣтовалъ, чтобы она сшила изъ холста мѣшокъ, наполнила его землею, положила въ гробъ, устроила-бы обѣдъ, какъ по покойникѣ, и пригласила-бы священника. Совершимъ-де погребеніе, какъ бы настоящаго покойника, потому-что сказано: „земля еси и въ землю отыдеши“; только похоронимъ-де его не на кладбищѣ, а во дворѣ; „трудъ-же этотъ стоитъ будетъ сорокъ

рублей". И такъ все и было исполнено, и благочинный получилъ свою добычу. Недѣль семь спустя тѣло Федоренка было найдено въ рѣкѣ съ веревкою на шеѣ. Священникъ и тѣло похоронилъ и взялъ за второе погребеніе еще пять рублей.

Люди, которые были на ложномъ погребеніи, разсказали мнѣ все это дѣло въ подробности. Тогда я написалъ попу записку, убѣждая его покаяться, и, объяснилъ, что можно вѣдь объ этомъ и въ газеты написать, потому что такія продѣлки не должны оставаться скрытыми.

Вскорѣ послѣ этого явились въ село становой приставъ и урядникъ. Они меня арестовали и четыре раза въ теченіи ночи допрашивали, что я говорилъ противъ императора? На это я отвѣтилъ какъ было: что я говорилъ не противъ императора, а противъ священника. Тогда меня отправили къ слѣдователю. Слѣдователь-же, допросивъ, велѣлъ меня отпустить изъ подъ ареста, но учредилъ за мною полицейскій надзоръ.

Между тѣмъ народъ по прежнему обращался ко мнѣ за помощью, когда духовенство грабило его, напримѣръ, при похоронахъ покойника. Но я не сталъ давать денегъ, а вмѣсто того далъ такой совѣтъ: „вы не торгуйтесь изъ-за похоронъ, а только объявите попу, что вотъ у васъ въ домѣ есть покойникъ; попъ обязанъ его похоронить; если-же откажется, то дадимъ телеграмму архіерею, прося его назначить цѣну за погребеніе." Послѣ этого священники принуждены были брать за отпѣваніе, кто сколько дастъ. Но перенести имъ это было не легко, и вотъ приставъ и урядники стали являться постоянно и требовать меня къ допросу именно въ такое время, когда надо было работать, когда каждый часъ былъ дорогъ. Я терпѣлъ большіе убытки; прямо сказать — разорялся; а весною, во время подъемки винограда, все осталось необработаннымъ, потому что меня арестовали и выслали безъ суда на одинъ годъ въ Херсонскую губернію; и все хозяйство пошло прахомъ.

Жизнь моя въ ссылкѣ была очень тяжкая, такъ что даже пришлось просить, чтобы меня посадили въ тюрьму. Но и въ томъ мнѣ отказали и, если-бы не еврей, который принялъ меня къ себѣ, то хоть на улицѣ ночуй! Я попросилъ, чтобы меня перевели въ мѣстечко Окну, Балтовскаго уѣзда Подольской губерніи и меня перевели.

Тамъ я поселился у одного сапожника. И онъ, и жена его были ужасно распутные люди: оба пьянствовали, курили, а

сапожница была даже изъ публичнаго дома. Но когда я проработалъ съ ними недѣлю, то оба совершенно измѣнились: бросили пьянство и куренье и стали заниматься грамотой. Узнали объ этомъ сосѣди, донесли священнику и за мною стали строже прежняго надзирать. Я вижу, что дѣло плохо, и сталъ просить, чтобы перевели меня въ нѣмецкую колонію. Уже послѣ того, какъ я ушелъ изъ Окны, дня черезъ два, явилась къ дому сапожника полиція въ часъ ночи: приставъ, урядникъ и нѣсколько городовыхъ. Оцѣпивши домъ, они вошли въ него и стали обыскивать: смотрѣли и въ подушкахъ, и на чердакѣ, и перепугали бѣднаго сапожника.

Кое-какъ прожилъ я шесть мѣсяцевъ, то-есть половину поднадзорнаго срока, какъ вдругъ судебный слѣдователь Ананьевскаго уѣзда вытребовалъ меня къ себѣ и арестовалъ. Просидѣвъ подъ арестомъ четыре мѣсяца, я получилъ обвинительный актъ. Сперва судъ надо мной назначенъ былъ въ Бендерахъ, потомъ его отложили и перевели въ Кишиневъ. Содержали меня очень строго, даже до свиданія со мною никого не допускали. Судили при закрытыхъ дверяхъ. Это было въ 1892 году.

Судъ присудилъ меня къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ за Кавказъ, и къ взысканію съ меня 36 рублей судебныхъ издержекъ. Такимъ образомъ все имущество мое пропало. Обрили мнѣ голову, надѣли кандалы ручные и ножные, и погнали въ ссылку. Болѣе мѣсяца ѣхалъ я, все закованный. И вотъ часто приходитъ мнѣ въ голову даже и теперь: за что держали меня въ кандалахъ? Какъ животное какое заковали въ желѣзо! При пересадкѣ-же изъ вагона въ вагонъ, когда приходилось сходить и опять влазить, кандалы мѣшаютъ, невольно замѣшкаешься — и получаешь за это куда попало прикладомъ. А кто бьетъ? Русскій солдатъ мучитъ русскаго человѣка!

Значитъ, между людьми есть большой клеветникъ, который доводитъ насъ до того, что мы дѣлаемся врагами другъ другу. Вотъ теперь время благопріятное, чтобы отыскивать врага, дѣлающаго вредъ людямъ и молить бога, чтобы избавиться отъ зла — въ смиренной жизни увидѣть добро.

II

О неволѣ вѣры и какъ отъ этой неволи избавиться.

Разсказъ Еремѣя Чебана о томъ, какъ и почему онъ оставилъ православную вѣру, мы взяли изъ журнала г. Черткова—

„Свободное Слово“. Это не сочиненіе чье нибудь, а описаніе дѣйствительной жизни почтеннаго человѣка, крестьянина, сдѣланное имъ самимъ. Оно показываетъ лучше всякихъ разсужденій, что это за несчастіе, когда въ странѣ нѣтъ *свободы вѣры*, или, говоря по книжному, *свободы совѣсти*, то-есть, когда человѣкъ не воленъ держаться, какой ему угодно вѣры. Казалось-бы, какое кому дѣло до того, ходитъ кто въ церковь, или не ходитъ, молится богу, или не молится, и что человѣкъ думаетъ о божественныхъ предметахъ? Это личное дѣло каждаго человѣка, которое надо оставить на его совѣсть. Такъ оно и ведется въ просвѣщенныхъ странахъ: въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, въ Нѣмецкой землѣ (Германіи), въ Австріи и проч. Тамъ никто у человѣка не спрашиваетъ, какой онъ вѣры; а если онъ самъ это объявитъ, то — будь онъ „православный“, или католикъ; лютеранинъ йли штундистъ; магометанинъ или еврей; язычникъ или невѣрующій — это не составляетъ никакой разницы въ правахъ. У насъ-же не такъ. У насъ православныхъ принуждаютъ оставаться православными, хотя бы они перестали вѣровать по православному. У насъ никому, кромѣ „православныхъ“, не вольно учить иновѣрцевъ своей вѣрѣ. У насъ еврею, котому только, что онъ держится Моисеева закона (который и сама „православная“ церковь признаетъ) — не позволяютъ ни учиться свободно въ русскихъ школахъ, гимназіяхъ и университетахъ, ни занимать многія должности, ни даже жить, гдѣ имъ угодно.

И, смотрите, что изъ этого выходитъ. Среди евреевъ есть много способныхъ людей. Если бы не дѣлали различія въ правахъ и пустили бы ихъ свободно въ учебныя заведенія, эти способные евреи стали бы хорошими докторами, учителями, адвокатами, инженерами, офицерами и лѣчили-бы, защищали-бы, обучали-бы русскій народъ; т. е. *приносили-бы пользу русскому народу*. Но ихъ не пускаютъ это дѣлать; то-есть лишаютъ русскій народъ той помощи, которую эти люди оказали-бы ему.

Или, вотъ, возмите исторію Еремѣя Чебана. Человѣкъ искалъ правды; жилъ примѣрно: не пьянствовалъ, не дрался, не распутничалъ; не только не дѣлалъ никому зла, но прямо помогалъ другимъ — и деньгами, и добрымъ совѣтомъ. И за все это добро, за то, что онъ былъ добрымъ примѣромъ другимъ, его преслѣдовали, мучили, держали въ тюрьмѣ и въ кандалахъ, *судили* и сослали! А почему? Потому, что онъ, „бывшій православный“, пересталъ быть имъ и сталъ „еван-

гельскимъ христіаниномъ", или, какъ называютъ ихъ у насъ „штундистомъ"! Въ статьѣ 196 *Уложенія о наказаніяхъ* сказано: „виновные какъ въ распространеніи существующихъ уже между отпадшими отъ православной церкви ересей и расколовъ, такъ и въ заведеніи какихъ либо новыхъ... подвергаются за сіе лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе". Тому-же наказанію подвергаются „раскольники", которые „осмѣлятся явно оскорблять церковь православную или духовенство оной"! И вотъ если правдивый человѣкъ, почитавъ евангеліе, какъ сдѣлалъ Еремѣй, и увидавъ, что въ немъ совсѣмъ не то сказано, чему учатъ православные попы, оставитъ „православіе" — его судятъ и ссылаютъ по этой статьѣ! Или если честный человѣкъ, видя поповскія мошенничества и обдирательства, обличитъ ихъ — то его судятъ и наказываютъ по этой статьѣ!

Почему же такъ? Почему, живи и поступай Еремѣй Чебанъ въ Америкѣ, или въ Австріи, какъ онъ жилъ и поступалъ въ Россіи, его никто бы пальцемъ не тронулъ, а въ Россіи его за то въ тюрьму сажали, и въ желѣза ковали, и разорили, и угнали на Кавказъ?

Потому что въ Америкѣ, и въ Австріи, и въ другихъ земляхъ, гдѣ есть *свобода совѣсти, она потому и есть, что народъ имѣетъ участіе въ изданіи законовъ*. Народъ-же, понимая, что преслѣдовать за вѣру вредно, глупо и не хорошо, установилъ закономъ, что каждый воленъ держаться какой угодно вѣры, или не держаться никакой, — это дѣло его совѣсти и никто не долженъ тянуть его за это къ отвѣту.

У насъ же народъ не имѣетъ никакого участія въ установленіи законовъ. У насъ правители отъ народа не зависятъ: народомъ не ставятся, народомъ не выбираются, и оттого-то народа они не спрашиваются, съ народомъ ни въ чемъ не совѣтуются; только и прислушиваются къ голосу народа, когда онъ забунтуетъ. Такой порядокъ называется *царскимъ самодержавіемъ*. Законы у насъ пишутъ чиновники — духовные и свѣтскіе, — а царь ихъ подписываетъ. Вотъ они и придумываютъ и установляютъ только такіе законы, которые имъ на руку, которые помогаютъ имъ держать народъ въ повиновеніи. Для той-же самой цѣли они установили и 196 статью „Уложенія о наказаніяхъ".

Справедливо говоритъ Еремѣй Чебанъ, что есть между русскими людьми „большой клеветникъ, который доводитъ насъ до того, что мы дѣлаемся врагами другъ другу". Этотъ кле-

ветникъ — *самодержавіе*, которое клевещетъ на честны людей, ищущихъ правды, будто они — преступники, и ссыл етъ, и мучитъ ихъ. Справедливо и то, что „теперь вре благопріятное, чтобы отыскивать врага, дѣлающаго вредъ ли дямъ“: злыя дѣла самодержавія до того усилились и умн жились, что стали у всѣхъ на виду; нужно только указыва людямъ на нихъ, указывать на *самодержавіе, которое есть врагъ людской*. И отъ врага этого надобно избавитьс

Какъ-же отъ него избавиться? Чебанъ говоритъ, что „на молить бога“, „чтобы въ смиренной жизни увидѣть добро Молитва — дѣло частное, дѣло совѣсти каждаго и мы въ эт входить не будемъ. Что-же касается „смиренной жизни“, т мы не увѣрены, что именно почтенный Еремѣй хочетъ ска зать этими словами. Если онъ хочетъ сказать, что на желать и добиваться, чтобы всѣ тѣ солдаты, полицейск чиновники и попы, которые теперь враждуютъ съ народом насилуютъ и обижаютъ народъ, увидѣли добро не въ эт враждѣ и обидѣ, а въ мирномъ и добросовѣстномъ служ ніи народу, то Еремѣй правъ. Но если онъ думаетъ, ч смиреніе нужно тѣмъ, кого бьютъ и куютъ въ кандалы, ссылаютъ за правду, то мы никакъ съ этимъ согласиться можемъ. Недаромъ народная мудрость говоритъ: „богъ-богъ, да и самъ не будь плохъ.“ Чего-же и добиваются от правдивыхъ людей всѣ эти бьющіе прикладами солдаты, о дирающіе народъ попы и сажающіе въ тюрьму чиновник какъ не *смиренія*?! Про себя думай, что хочешь, говорят они, только *на дѣлѣ не сопротивляйся*. Стало быть, *в дѣло вовсе не въ смиренствѣ, а въ сопротивленіи*. И сам почтенный Еремѣй Чебанъ чувствовалъ это и сообразно по ступалъ. Онъ вѣдь не ограничивался одними молитвами. Он „отыскивалъ врага“ и когда находилъ его въ лицѣ поповской чиновничьей, солдатской самодержавной неправды, то *сопро тивлялся ей*, обличалъ, помогалъ людямъ избавиться отъ нея Такъ и всякій правдивый и честный человѣкъ долженъ по ступать: онъ долженъ всѣми средствами сопротивляться са модержавному насилію и стараться объ его уничтоженіи.

Будемъ-же, братья, и мы сопротивляться, пока не сверг немъ самое самодержавіе и не заведемъ на мѣсто его народныхъ порядковъ. Будемъ сопротивляться всячески. Если-же само-державіе обратитъ противъ насъ даже оружіе, — будемъ со-противляться ему оружіемъ!